

Нижнесви́рский заповедник – 2019

Е. Шепелёв

23 июня, день первый. *Лодейное Поле, Свирица, берег Свири, оз. Канковское, оз. Николкина Кара*

В тамбур льётся тёплый свет, вызолачивает куски одежды и рюкзаки. За окном ползёт перрон. Низкий старт.

Пока поезд подходил к платформе, Егор успел заметить, что Лодейное поле – пресное местечко, мол, ничего-то тут не случается. «У тебя есть все шансы сделать его веселее», хитро улыбается проводница, все хохочут.

Этим утром всё какое-то особенно жёлтое: свет, сухая трава (примешалось немножечко оливкового, но это не страшно), песок на обочине дороги, к которой мы выходим, Люшин рюкзак (цвет чуть переспелого банана). Утро похоже на песню битлов, такого оттенка, будто смотришь на него через стакан с лимонадом.

Приезжает Виктор Алексеевич, нет, дядя Витя, здороваётся со всеми по-свойски, так, будто он – дядюшка, к которому мы все приехали на летние каникулы. Они с Полиной перебрасываются парой фраз: «Вы в Свирицу сейчас? В дельту Свири то есть. Не повезло вам, самое». Дядя Витя переключается на наших приятелей.

В буханке мы (то есть Полина, Люша и я) рассматриваем карту: чтобы оказаться в нужной части заповедника, нужно переправиться на противоположный берег Свири и немного пройти пешком, внутрь заповедника. Полина показывает на карте озёрки и рассказывает план действий Люше, я слушаю в пол-уха.

Пирс Свирицы, несколько каналов с деревянными домишками по берегам, тростник отпрыгивает в стороны, и открывается река: довольно широкая, вода в ней с зеленоватым отливом, катер оставляет на ней пенистый след. Инспектор, согласившийся нас перевезти, сосредоточенно молчит, только седые усы подрагивают на ветру. Суровый насупленный вид только прибавляет ему комичности: небольшого роста, с форменной кепкой, надвинутой на глаза, мне он напомнил Янсеновского Ондатра.

Рюкзаки оставили неподалёку от места высадки, до обеда решили описать квадратик с берегом¹. Ивняк у воды, если идти от неё, становится светлым березняком, к которому примешиваются редкие осинки. Здесь проходит более-менее отчётливая дорога, которая быстро взбирается на гряды и уходит довольно далеко вглубь заповедника, по ней мы дойдём до места для лагеря.

Всё-таки, запах болота, нагретого солнцем, не сравнить ни с чем. Нет, это не один из тех запахов, которые завораживают своей многогранностью. Воздух на болоте, «настоящем», верховом, понемногу пропитывает тебя целиком, растворяет в себе. Со временем перестаёшь замечать дух сфагнума, багульника, андромеды и горячей сосны, но он остаётся в тебе и потом вдруг напоминает о себе. Тогда, когда далеко позади в дымке тает последний лоскут жёлто-зелёной шири, когда

¹ Мы занимаемся здесь сеточным картированием флоры заповедника.

существуют только шершавые стены города, появляется этот запах, чтобы кольнуть душу рыжей хвоинкой, позвать.

Всё сильнее надоедают слепни, которых в этом году народилось на удивление много (или в прошлые годы нарождалось мало?). Это уже не отдельные, жужжащие над ухом насекомые, а настоящие эскадрильи. Отбиваться от них бланком удобно, но чтобы отметить растение, приходится жертвовать собой. Обмахиваясь, я слышу, как слепни бьются о бланк (звук здоровский, но бумага после такого вся в светло-коричневых пятнышках). Судя по всему, это те самые чудовища, которые должны были съесть живьём (по словам Виктора Алексеевича) нашу «разведгруппу» в самый первый год².

После обеда мы сходили на озеро-старицу Николкина Кара, как её называла Люша (на карте названия не было), оно было длинное и узкое, с тёмной водой, примыкавшее к небольшой рощице типа «берёза – ольха – осина». Озерцо обступило болото, в нём не росло ничего интересного, могло показаться, что это одна из многочисленных сплавин, вроде Карасёва, а не бывшее русло Свири.

Кроме Николкиной Кары в этот день мы видели озеро Канковское с впадающей в протоку Засвирская «канавкой» (по-другому не назвать), уже типичное болотное озерцо.

После осмотра местных достопримечательностей и небольшой технической задержки (Полина с Люшей на всякий случай проверили обеденное место: где-то в той стороне, судя по всему, в Свирице, что-то горело), пошли в сторону «дома».

Лагерь поставили на островке в болоте, у безымянного озера (полежали в нём перед ужином). Вечер прошёл за рассказами о приключениях (в основном восьмиклассников) в Гумбарицах от Люши и обзора кухонь Киргизии и Армении со всеми подробностями от Полины (все эти три дня почти каждый приём пищи сопровождался кратким экскурсом в восточное меню).

24 июня, день второй. Оз. Кандольское, протока Корелка

Погода снова балует нас, на небе ни облачка, ярко светит солнце. День не то чтобы жаркий, но воздух какой-то томящийся, будто ждущий чего-то, может, дождя? Чавкает, жужжит, кричит куликом болото, серая щетина редких сосенок замерла впереди. Гряды. Когда-то на её месте был берег, а здесь, вместо махрового ковра болота, волновалось озеро.

Озеро Кандольское похоже на два вчерашних, но шире и глубже, я улочаю момент и окунаю голову в него. Вода прохладная, цвета разбавленного чая, на какое-то время смывает с меня зной. В который раз вспоминаю о плавунцах, которые в этом и других здешних озёрах наверняка есть. Как говорится, «висит груша», ловлю пару небольших жуков и отпускаю обратно: никому-то вы здесь не нужны.

«Он будет сушёный и красный», Люша объясняет, как различить виды рдеста (один из найденных нами при сушке должен покраснеть), Полина считает, что завтра вечером я буду «сушёный и красный» (завтра мы идём в Кечкужно). Посмотрим. Люша высматривает в бинокль гнёзда скоп (мы

² В 2016 году Полина, Люша и Петрович побывали в заповеднике в первый раз, тогда тут ещё не проводились практики (ссылка на рассказ: <http://www.bioclass.ru/files/hrenaniki.pdf>).

уже видели пару), я записываю их координаты, превращаюсь, по словам Полины, в подручного-инспекторёнка.

День перевалил за середину, впереди маячит лиственная зелень, шевелится на проснувшемся наконец ветерке. Березы и осины столпились вокруг неширокой протоки с тёмной водой, Корелки. Здесь решено остановиться и пообедать.

В протоке течение вполне ощутимое, потихоньку сносит в сторону Свири (саму реку отсюда не видно), вода приятной температуры, всё чудесно, кроме пикирующих на голову слепней. Я думаю, что со временем научусь их не замечать. После купания мысли в голове зашевелились ощутимее, от этого приятно, всё вокруг становится веселее. За обедом вновь рассказы о киргизских едах: «это ещё что!», перед мысленным взором проносятся вереницы блюд, возвращаться после такого к заварной лапше грустновато.

На обратном пути проходим окрестностями озера Лебединое (самого озера не видели), местность однообразная: гряды, пониже и повыше, прерывающиеся изредка на чухлый мокрый березнячок или поднимающиеся над болотом и порастающие разреженным сосняком. По грядам и добираемся до лагеря.

25 июня, день третий. Урочище Кечкужно (берег Ладожского озера)

Сегодня насыщенный день, в первую половину нам нужно описать «домашний» квадратик и соседний квадрат, после обеда собираемся и ползём в Кечкужно (урочище на берегу Ладоги, там есть избушка). Погода подозрительно хороша, у самых кромок круглого небосвода, словно пена в стакане с чаем, легкий облачный налёт, ни ветерка.

Новый цвет пропитал всё, небо затопило утро прозрачной голубой акварелью. Рыжая сосновая хвоя, теплый, ещё подрагивающий пепел оттенены краской, растворившейся в воздухе. Похожее ощущение голубизны во всём появляется, если из-под сомкнутых век долго глядеть на солнце, а потом открыть глаза и оглядеться. Дышится легко, упруго.

Осматриваем окрестности, шлёпаем к безымянным сплавинным озерцам в соседнем квадрате за пузырьчаткой для Полины³. Насекомые, поутихшие вчера, бросили все силы на штурм наших голов и рук. Несмотря на теплоту дня, застёгиваю штормовку на все пуговицы. Полина в одном болотнике (доняли слепни), отпрыгивает от озерца в лес, даёт мне понюхать пузырьчатку: «мироточит». Я не чувствую ничего. Что ж, видимо, не лившему кровь за ботанический Грааль, его не обрести.

В лагере Люша устраивает прощальное купание, я отказываюсь (лезть в воду, пока вокруг жужжит и кусается – нет). Готовлю «питательный кипяток». После обеда быстро сворачиваемся (под тент палатки забился целый рой), исчезаем меж деревьев гряды, в синем холодке леса.

³ Кроме отмеченных в заповеднике видов *Utricularia minor*, *U. intermedia* и *U. vulgaris*, есть ещё один (гибрид первых двух) – *U. ochroleuca*. Внешне он похож на нечто среднее между малой и средней пузырьчатками, по-настоящему отличить его от других видов можно по пропорциям железистых волосков в ловчих пузырьках. Раньше вид попросту не выделяли, поэтому территория, на которой он встречается, ещё не уточнена. Полина проводит научную работу по пузырьчатке в этом году.

Наш путь на новое место стоянки проходит по грядам, по морщинкам старого берега. Под ногами хруст сухих сосновых веток сменяется шелестом черничника, чавканьем чёрной лоснящейся торфяной каши (переходим с гряды на гряду по лежнёвке). По пути записываю координаты гнёзд, которые высматривает Люша, собираю птичьи перья. Натуралистические изыскания перемежаются с археологическими: по одной из гряд, широкой и длинной, проходила советская узкоколейка (к линии финского фронта, он недалеко отсюда), нахожу погнутую складскую табличку (цифры и буквы не разобрал), кусок лопаты, гвозди. Мотки колючей проволоки, как впившиеся в старческие пальцы тёмные обручальные кольца, вросли в деревья. Обрывки истории, не героические монолитные блоки, даже не их осколки, а обрывки солдатских портянок, на которых она отпечаталась.

По пути мы описываем пару квадратиков. Гряда – болото – гряда. Вниз, вверх, снова вниз. Наконец, выходим на финишную прямую: последняя гряда. Землянки, землянки, землянки. Деревянный сруб, заросший мхом, внутри – песок, сосны, можжевельник. С гряды сходим в частый ольшаник, избушка (небольшой четырёхстенок), вдруг выскакивает на нас. Новый дом.

Ужинаем со всеми удобствами после купания (плюханья в воду глубиной сантиметров в сорок) на берегу озера. Краски теплеют, солнце уже упало куда-то туда, в озеро далеко-далеко от нас. Засыпаю в темноте избушки, сухой, скрипучей и уютной.

26 июня, день четвёртый. Урочище Гумбарицы (устье р. Гумбарки, школьный стационар)

В первой половине дня нам нужно обойти пару домашних квадратиков, чему всячески способствует отличная погода (и совместимое с выживанием количество слепней: меньше 100г/м³). Сама избушка, как я уже говорил, стоит в роще берёз и ольх, по которой недавно прошёл ветер, поваливший кучу деревьев (в этом году был большой вывал леса вдоль побережья). Мы проходимся по гряде и окрестному болоту, местами почти непроходимому, осматриваем мочажинки на предмет пузырчатки. На берегу растёт много странных растений, ими наполняется Люшина ботанизирка, валяются кусочки черепов, щучьих, чаячьих, нерпячьих, перья орлана и много других «радостей», к сожалению, не имеющих почти никакой ценности (перьев мы набрали столько, что скоро из них можно будет склеить целую птицу).

Прощальный обед в Кечкужно и в путь. Первая контрольная точка – речка Зубец, недалеко от устья которого тоже есть домик (тот самый, где зимой ночевали «фашисты»⁴), идём на него посмотреть. Тут избушка ещё меньше, чем в Кечкужно, но выглядит она более цивилизованно (может, окна не забиты?). Пока Полина с Люшей осматривали домик, я сполз к реке, покопаться в прибрежной тине (вдруг есть что интересненькое). В воде ничего такого не оказалось, даже намёка на каких-нибудь жуков (что-то они мне покоя не дают в последнее время, странно). В меня прилетает шишка и обзывательство: «типичный Голлум». Чего я сделал-то? Уже и подумать о чём-нибудь кроме этой их ботаники нельзя, сразу обзываются.

Солнце подрумянивает троицу, бредущую по берегу. На песке три цепочки следов, то идущих параллельно, то перекрещивающихся. Перевалило за третью четверть яркого дня. Шагаем, шагаем, всё вперёд и вперёд по светлой песчаной кайме озера, мимо нас проползают светлые макушки берёз, выглядывающие из-за ивового плетня, над ними парят скопы. Вот вдали

⁴ Рассказ Ульяны называется «Фашисты на Зубце», вот ссылка: <http://www.bioclass.ru/files/ladoga18.pdf>

показывается, растёт потихоньку полоска поймы Гумбарниц, стало видно ловушку орнитологов. Дом, милый дом.

Шагаем всё вперед и вперед по светлой песчаной кайме озера

Не доходя до устья Пельчужни, сворачиваем в лес. По мосткам, заботливо налаженным инспекторами, по тропинкам, изредка ныряющим резко вниз, с откоса окопа, выходим к мосту. Вода в реке совсем чёрная, в ней отражаются мощные рыжие стволы сосен. Беседка, отсюда налево, почти пришли. Светлый сосняк сменяется тяжёлым еловым пологом.

«Ты теперь похож на что-то среднее между Полиной и Люшей», слышу я от кого-то из одноклассников. Скажут такое, что хоть стой, хоть падай. Вокруг бегают Лёша, дёргает за рукав штормовки, спрашивает, где мы были, вот кого мой вид ничуть не удивляет.

Пока суд да дело, пока расселились по палаткам, пока перебросились парой слов, день почти совсем закончился. Ужинать приходит куча незнакомых восьмиклассников, становится слегка не по себе. Полина всё говорит мне о каком-то «старом хрене» (знать бы, что это за тип), мол, у него ещё и «день варенья» завтра, издевательства сопровождаются Марусиными тычками, все будто сговорились. Видимо, замаять моё шестнадцатилетие не получилось. С тяжёлым предчувствием залезаю в спальник.

27 июня, день пятый. Старая Слобода

На сегодня назначен рейд в цивилизацию, поедem в Старую слободу, Катя, Саня, Люша и я. Группа «альфа» для закупки провизии, группа «браво» – пройти пару квадратиков и посмотреть пузырчатку в одном из озёр.

Сегодня день уже не так яркий, как вчера, по небу ползёт что-то, собирается. По моему опыту, если о погоде не говорить, то она будет лучше, чем кажется в данный момент, а лучше о ней вообще не думать. Старательно не смотрю вверх. А машина ломится вперёд, напоминает серое железное насекомое, оно разгорячено, спешит вперёд, лапы елей проводят по его бокам.

Слобода – посёлок городского типа, скорее всего, разросшийся из слободки мастеровых и послушников, да и просто людей, приехавших к монастырю. Сам монастырь праздничным караваном стоит среди посёлка, белый и свежий после недавней реставрации. Назначив встречу в кафешке для туристов «Паломник» (он тут же становится «Половником»), идём из Слободы, минуя пояс деревянных сараюшек, свалку, пару облаявших нас собак.

Лес здесь какой-то сонный, не шелохнётся. Все звуки сглажены, набегающие на солнце тучки приглушают свет. В озёрце Продушное отражается обгоревшая физиономия охотника за пузырьчаткой, я захожу в азарт. Здесь она, похоже, и впрямь такая, как надо, и цветки у неё как на картинке. В отличие от квадрата, озеро жизнеутверждающее. Мы решаем перекусить на гряде подле него. Чай «ладожский ветеран» со смородиной, собранной в Кечкужно, приходится как раз кстати.

Квадрат скучный: однообразный сосняк да верховое болото, быстро отмечаем почти всё, что здесь есть. Я устраиваю себе гастрономический тур, в ход идёт всё, что можно тут съесть: черника, водяника, клюква (она не дозрела, на вкус как яблоко с ощутимым торфяным привкусом), листья росянки (они отдалённо напоминают кислицу, но слаще). Лишайники на вкус как лекарство, мне они не понравились.

Нагулявшись вдоволь, выходим на дорогу по границе заповедника. По пути обратно мы встречаем благолепных старичков с ухоженными белыми бородами и посошками, от их вида совсем выпадаю из настоящего... И вновь сараи, сараи. Мы идём в обход монастырских корпусов к месту встречи, на обочине крапива почти в мой рост, а внизу, на берегу озера, у пирса стоят лодчёлки и не видно почти никого там, где спокойная белая вода. Тихо здесь, хоть и вплелась в старину асфальтовая мостовая, она почти ничего не задела, оставила Слободу все её милые мелочи, собак с задорными калачиками-хвостами, низкие дома...

А в «Половнике» Катя и Саня уже ждут нас. Как участники «шопинг-тура», мы можем себе что-нибудь выбрать, я отказываюсь. Но оказывается, здесь не принято пить копчёный чай из мятых пластиковых бутылок, приходится дожёвывать заварку и угрюмо просить кипятку.

Из кухни меня (заметьте, дежурного на ужин) бесцеремонно выставляют: «слишком взрослым нельзя», тут всем заправляют Маруся, Женя, Полина Хорхордина и ещё несколько человек. Ну и пожалуйста.

Поздравлять меня решили (ужас!) всем лагерем, под оглушительный хохот Полины (самые громкие вопли пришлись на пожелание «хороших друзей» от Сергея Менделевича). Внезапно посерьёзнев, Полина уступает место Гарику Петросяну: «Маринацвац Шушан!», это сувенир из солнечной Армении. Новые взрывы хохота. Таким красным я ещё никогда не был. И снова Марусины тычки и Полинин «старый хрен». И в день варенья не пожалели.

28 июня, день шестой. *Река Пельчужня, берег Ладоги*

Хмуро, накрапывает дождик, пропитывает тёмно-зелёный балдахин леса, тот набухает, сочится влагой. В такую погоду страшен даже не дождь, а мокрые ветви да сырая трава, идём в развёрнутых болотниках и химзах. Хлопают полы плащей, шуршит трава, из капюшона (его пришлось накинуть, спасаясь от комаров) мне мало чего видно и слышно, иду, будто в скафандре.

А вокруг всё неподвижно. Дремлющие ели пробуждаются на миг, расступаются перед нами, чтобы снова сойтись позади, качают лапами, роняют капли. Меж спящими деревьями идём к реке, кажется, что я слышу, чувствую медленное течение их сна... Вот уже подо мной расходятся от падающих в чёрную воду капель быстрые круги. Внизу мгlistая прохлада реки, недавний ураган повалил подходящую по ширине берёзу, ставшую нам мостом. Идём на поклон к болоту.

На границе очередной гряды мы с Люшей находим замечательные свежие лосиные рога, точнее, половину от них (Полина их проигнорировала). Оставлять такую вещь здесь было бы неправильно, ведь она здесь лежит будто специально для нас. Потихоньку, «пока Полина не видит», приделываем рога к моему рюкзаку, под химзой они почти не заметны (совсем немного выдаются, их не видно, за деревья цепляются только).

Обедаем на одной из гряд, возле гигантского (в два моих роста) можжевельника, в костре дрова тоже можжевеловые, душистые. Дождик перестал, только вдали что-то неясно проворчало, напомнило о нём. Полина считает, что не съесть ничего в «Половнике» – верх старохренской суровости и вообще я типичная «лесная кулебяка»⁵, а чай в бутылочке – «мутный эликсир»⁶.

Идём к Ладогe по только просыпающемуся лесу, солнце проглянуло меж туч. Скоро пойдёт черника, она уже появляется ягодки по три-четыре довольно часто, зовёт сорвать.

Колючая проволока заграждений, выходим на берег. По границе ивняка и песчаного пляжа идём, осматривая всё особенно внимательно: сюда волнами часто приносит странные растения. В этот день из особенно интересных нашли спирею и красный дуб.

К стационару возвращаемся уже под совсем ясным небом, всё вокруг посвежело после сырости дня, будто росой умылось, стали чётче контуры, сгустились тени. Возможно (но лучше всё же особенно не обнадёживать себя) завтра день будет приятнее.

29 июня, день седьмой. Гумбарицы

Совсем забыл, что сегодня мы никуда не пойдём, у восьмиклассников зачёт и распределение по темам научных работ. А день выдался по-настоящему летний, всё вокруг снова раскрасили оттенки жёлтого. Вокруг всё ещё в полной крови, но небо уже по-осеннему побледнело, в нём застыли перистые облака, и ветер шумит в соснах, и пахнет сухой травой... Близится что-то, неотвратимое и потому не пугающее, не прерывающее смеха.

Монотонная работа, как это ни странно, вовсе не даёт в своё удовольствие помечтать. Напротив, когда увлечёшься, войдёшь в азарт, никаких мыслей в голове, кроме отрывистых команд, нет. Наверняка со стороны это выглядит забавно. Полина поручила мне делать гербарные сетки, оставив всё, кроме размера, на моё усмотрение, а сама удалилась в нашу ботаническую келью постигать пузырчатку.

В докладах по гидробиологии не запомнилось почти ничего, кроме выступления Сони (Надя в какой-то момент стала ей семафорить, чуть не задевая Сергея Менделевича) да пары других, вроде

⁵ Искаженное «лесные коллеги» – возникшее в Байкальском заповеднике обозначение суровых лесных мужиков.

⁶ «Чего-то медлит утро, хлещут бродяги мутный свой эликсир». О. Медведев.

гариковского. Зато после них восьмиклассникам раздали анкеты с темами работ... Вообще Полина говорила, что можно обойтись и совсем без новых подопечных, но такая удача всяко маловероятна.

Уже после ужина (на моё удивление Полина отвечает деловым тоном «А чего там считать-то») объявляют состав групп: на квадраты пойдут двое, Соня и Маша. Ну, хоть не трое. В процессе дополнительного разъяснения плана действий школьникам (это когда Полина сначала долго смеётся, а потом говорит, куда пойдём) выясняется, что в первые дни с нами будут ещё две росяночницы. Теперь хохочут уже надо мной: «типи-ичный старый хрен!», видите ли, я чересчур уж серьёзный. Вдобавок ко всему, моя реакция на росяночно-квадратный состав не всем по душе, кто-то задаёт вовсе провокационный вопрос: «Тебе кто-то не нравится?». Искреннее «Вы мне все не нравитесь!» почему-то их не успокоило. Маруся явно задалась целью проткнуть меня. Суета сует!

30 июня, день девятый. Урочище Гумбарицы

Сегодня первый день вторых квадратов, можно сказать, ознакомительный. Проходит знакомство в домашней обстановке, мы опишем пару квадратиков прямо в нашем урочище (к слову, моё знакомство с квадратами началось с гадкого осокового болота в Лахте).

Собираемся на крыльце всем составом: Люша, я и четверо девочек-припевочек (но это пока, через неделю от их беззаботности вряд ли что останется). После ритуальной обработки друг друга и попутно половины стационара репеллентом, наши подопечные готовы к отправке, еда распределена, маршрут объявлен. Отправляемся. И лишь ядовитое инсекти(гено)цидное облачко тает за спинами.

По дороге из стационара проходим мимо жучатников, сидящих в своей луже, в ответ на слово «лужа» они наперебой расхваливают свою добычу, копошащуюся в сачках.

Спокойно, прогулочным шагом проходим лесом, берегом Гумбарки и краем болота, отмечаем растения. День яркий и спокойный, солнце ласково греет открытую шею. Для сбора росянки выбран «добрый» участок болота, в нём сложно утонуть, но кое-кто уже успел залить в болотник воды... Пока решают, какую из розеток выбрать, оглядываюсь по сторонам. С синим отливом ели обступили желтоватую опушку, занятую болотцем, над щёткой близкого леса ни облака. Воздух то и дело пронизывают стрекозы, разогретые солнцем, ловят зазевавшуюся муху. Под ногами сочится водой зелень.

После обеда идём к берегу Ладоги, через светлый лес, на «первой скорости», как сказала Люша. Когда шли по дороге, встретили Ковалева, которому Люша вкратце описала наш маршрут и объяснила, что помощь не потребуется, «можете ехать».

И снова знакомые мотки колючей проволоки между сосен, песок. До берега вышли ещё к Пельчужне, выглядевшей, как всегда будто застывшей во времени: редкая хвоинка упадёт в реку... По берегам, как часовые, закованные в бронзу и с зелёными плащами – сосны. Здесь растёт много щавеля, грех пренебречь. На моё предложение вкусить даров природы спутницы отвечают вежливым отказом. Ничего, посмотрю я на вас попозже. Люша хитро улыбается, наблюдая наше общение, явно Полина не упустит случая про это поиздеваться. Ну и ладно, а что ещё делать остаётся, если они пока не готовы понять ценностей «лесных кулебяк»?

После берега поворачиваем к лагерю. По пути Люша рассказывает о «научных» работах пятиклассников в КЮБЗе по птицам. В них среди других выводов значилось «птицы могут гибнуть под колёсами машин». Рассказывает она это фальцетом и хлопает глазами, выходит очень забавно.

Саню всё-таки решили отпустить с нами на вторые квадраты, на поиски драгоценного жука «арлекина», пойманного в прошлом году Ульяной. Такая дальняя экспедиция была безусловно опасна, не исключалась возможность тяжёлых (как физических, так и сугубо моральных) увечий вплоть до летального исхода. Петром Николаевичем был составлен план «Б», на случай, если «Сашу съест медведь», а жучиная команда получила инструкции с учётом всех мелочей. Были сделаны замечания по поводу целей работы (выяснения эффективности «тушёнки и печёнки, а также широких и узких горлышек у бутылок»).

1 июля, день десятый. Север заповедника

Снова затянуло небо чем-то серым, пропитанным водой. Изредка срывается и падает вниз капля, то ли с ветки осины, то ли оттуда, из облачной ваты. Мы выезжаем после завтрака, на северо-запад заповедника, в сторону Старой Слободы.

Катя седлает «буханку», уже навьюченную рюкзаками, отчаливаем. Сперва машина сонно урчит, но потом, понукаемая седоком, помыкивая задорно, чувствуя утопленную педаль, набирает скорость. Что-то гремит и бряцает внутри, на ухабах потряхивает, по корпусу проводят лапы елей, влажные от прошедшего ночью дождя.

В Слободе, куда заехали за кошачьим кормом (та самая «тушёнка и печёнка» для ловушек), стало совсем светло. Поднявшийся на высоте ветер разорвал и уже гнал с неба облака. Грунтовая дорога вела через сосняк, прорывавшийся дважды берегом озера. Вокруг ни души, ветер раскачивает сосновые рыжие мачты, а те скрипят, и падает жёлтая хвоинка в густой черничник. Янтарная сухость в воздухе.

Мы расстаёмся с Катей до пятого июня, в месте, к которому ближе всего подходит наша тропка. Через четыре дня мы условились встретиться в Ковкеницах, конечном пункте нашего путешествия на север. Вторая часть нашего пути – по дороге через заповедник, пересекающей пять ручьёв, как пять пальцев на руке болота. Ручьи безымянные, на карте они обозначены номерами, наш лагерь будет стоять недалеко от пятого... Первый ручей, второй, сосняк постепенно смешивается с ельником, в ложбинках, проложенных струйками, сочащимися из болота, заросли ольхи и осины, полумрак. Третий, четвёртый ручьи, дорога сначала спускается в сырую низину-перешеек между двумя мощными грядами, болото по обе стороны от узкой деревянной гати уходит далеко, видно, как со временем приподнимается средняя его часть. Совсем близко граница с Карелией.

На пригорке за Пятым ручьём, сухом и ровном, мы встаём лагерем. До нас кто-то уже обустроил костровое место (кострище выглядело устрашающе, чёрным пятном среди сухой сосновой хвои), напил сосновых чурбачков. После обеда разделяемся, Полина с Саней идут к озеру Продушному ставить ловушки на плавунцов, а все остальные – описывать соседний квадрат.

Граница заповедника и Карелии – просека в ельнике, тёмном, прохладном. Слышен только хруст хвороста под ногами, да редко – хлопанье крыльев испуганной птицы. По топкому сфагнуму, меж выворотней, идём вперёд, к огромному Сегежскому болоту. Зрелище и правда впечатляющее, узкий

коридор просеки редееет, затем исчезает вовсе, взгляд вырывается на простор. Болото тянется на север, горбясь широкой великаньей спиной, замшелой от времени... По южной его кайме щетинится тёмный лес. Переплетение карликовых берёз, кожистые листья морошки, красный «цветущий» мох.

Часть пути прошли краем Сегежского, затем свернули обратно в лес, изредка расступавшийся перед новыми прогалинами, занятыми болотом. Вышли к истокам Пятого ручья, вдоль него прошли к лагерю, успев раньше друзей. Полина с Саней вернулись на сорок минут позже, рассказывали о своей «пробежке» до Продушного...

2 июля, день одиннадцатый. *Болото Верхнесегежское, озеро Сегежское*

Уходим всё вместе и на весь день, к озеру через большое болото. Когда собираемся, я самоотверженно беру на себя все роллтоны, чтобы остальным было легче. А особенно Соне, ведь ей нужно нести кан. Саня не без досады набивает свой огромный рюкзак ловушками и кошачьей едой и даёт ему себя оседлать. Шутка ли, пустое, это чудо ортопедической инженерии весило без малого четыре килограмма, три из которых приходилось на сверх-удобную «спину» с железными вставками. С её помощью наш путешественник должен был превратиться во вьючное животное со всем комфортом. Но что-то было упущено создателями двадцатилитрового монстра и несостоявшийся «ишак люкс» регулярно честил его на чём свет стоит.

А погода сегодня всячески располагает к променаду, и небо ясное, и лёгкий ветерок сдувает жалкие напоминания о былом господстве членистоногих в небе, красота. Но вслух, повторюсь, радоваться не стоит. Разве что очень осторожно: быстро и как можно невнятнее. «Эх, хршй сгдня встки днёк... да, оч-оч х-р-шо!» Улыбаюсь себе под нос.

А болото не такое, как на первых квадратах, оно будто контрастнее. Есть места, где мха почти нет, и под ногами хрустит карликовая берёза, собравшаяся в холмики-кочки, а есть мочажинки, где болото совсем жидкое. Примерно на полпути до Сегежского таких мест особенно много и порой трясина с громким хлюпаньем втягивает кого-нибудь, как итальянец-гурман спагетти. После недолгих преобразований кролик Стяпа превратился в «спасательного» из-за того только, что пару раз помог Маше выбраться из болота, а из Сани за компанию сделали сенбернара, которого каким-то чудом занесло сюда (рюкзак его совсем загнал).

Когда мы подошли к озеру, ветер усилился, а небо нахмурилось. Перед принятием пищи решено было искупаться. По Сегежскому, запертому в чашу спрессованного торфа, ходили волны. Виден был противоположный берег, не принадлежавший заповеднику, но такой же безлюдный. А вода озера казалась серой, как в море...

Когда мы вернулись к любезно приготовленному девочками питательному кипятку, Полина спросила, не занимаюсь ли я плаванием, на что я, скромно помявшись и потупив глаза ответил утвердительно. Фраза «я просто хвастаться не люблю», сопровождаемая густым румянцем, привела её в восторг.

А после обеда мы, по заведённому обычаю делимся и расходимся, условившись о встрече. Мы с Люшей идём смотреть берег Сегежского. Сперва он радует нас пестротой растительности, но вскоре поднимается, одевается молодым сосняком, беднеет. Корни сосен переплетаются причудливо над водой, та плещется о берег. Прояснивает, выглядывает солнышко, а ветер вовсе стихает, становится даже жарко. Мы переходим через глубокий ручеёк, пересекаем пару болотистых лужаек

(без единого, кажется, нового растения) и оказываемся в прохладном пролеске. Тут же воссоединяемся с товарищами и, послушав немного про кусачих любимцев Сани и их новые замечательные виды (это же надо, гадость такую любить), отправляемся в обратный путь.

По дороге домой, когда до лагеря остаётся уже какой-то километрик, Полина даёт мне компас и велит идти прямо. Я почти полностью справляюсь с задачей (пару раз забрал в сторону), привожу людей в жилище. Оставим Полину мешать в кане с довольной ухмылкой и приговаривать «Варись, рис!», а остальных облизываться. Спокойной ночи.

3 июля, день двенадцатый. Старая Слобода, Ковкеницы

Сегодня мы заканчиваем с квадратами на севере. После того, как опишем домашний квадрат, снимем ловушки и свернём лагерь, нужно будет встретиться с одной из ипостасей Ковалёва (скорее всего, с Дядей Витей, хотя кто знает) в Старой Слободе. Он любезно согласился отвезти нас в Ковкеницы и устроить там на пару-тройку дней в чрезвычайно удобном коттедже (по рассказам Полины). Итак, в дорогу!

Ботаническая компания отчаливает после завтрака, Люша, девочки, я. Похоже немного на детсадовскую группу на прогулке. Только очень маленькую. И один детсадовец, видимо, раз десять на второй год оставался. А в остальном не отличить.

В целом ничего особенно интересного в этом описании не было, кроме пары отвлечённых моментов. Так, например, на дороге к границе заповедника нам повстречалась куница (к сожалению, давно мёртвая). Люша тут же кинулась радостно отковыривать ей голову какими-то палочками, попутно рассказывая о том, как эту голову потом засунет в муравейник и ещё что-то с ней такое сделает. Мне было немножко жалко зверя, от бранных останков которого теперь остервенело отделяли ногу, но поделаться было нечего, с Люшей лучше в такой момент не связываться (к тому же, я вспомнил про обезглавленный труп нерпы в Гумбарицах). Видимо, она их собирает, эти головы, как индеец скальпы поверженных врагов⁷... Мне было разрешено предать куницу земле со всеми полагающимися индейскими почестями. Взамен потерянных частей тела дух зверя получил сушку и куропаточье перо.

До встречи с куницей небо было относительно чистым, а с утра и вовсе ясным. Но примерно после двенадцати часов с юга стали наползать облака, чернеть и даже изредка погромыхивать. Освежив в памяти недавний наш ленч, я выявил причину таких явлений атмосферы. Кое-кто (не будем показывать пальцем, но это был Слонёнок⁸) во весь голос заметил, что на небе ни облачка, только что пальцем не ткнул. И теперь терпи из-за него.

Когда мы развернулись к лагерю, сверху полилась вода, и пришлось надевать химзу. И мы превратились в хаттифнатов. Да-да, отрешённый взгляд, походка, все признаки на лицо. К тому же, в таком скафандре (по куполу которого барабанит дождь) ничего не слышно, и такому человеку

⁷ Как я потом узнал от неё, среди этих жутких трофеев была даже голова оленя (ещё тёплого), которую она добыла пользуясь почти что голыми руками. У неё был ножик дюйма в четыре длиной. Правда, забирать себе голову Люша, почему-то не стала.

⁸ Фраза из мультфильма «38 попугаев» выбрана автором не случайно, с целью намекнуть на некоторые черты внешности субъекта.

сложно что-нибудь втолковать без помощи жестов. Хотя, в нашей компании было только два хаттифната, Люша и я. На Соне и Маше целлофановые пакетики, чёрный и белый.

Вот так, гуськом, мы приходим к лагерю. Чтобы костер не потух, над ним сооружается навес из плащей, и весь дым идёт под полы химзы. Получается эдакая мобильная коптильня для кролика. Обедаем под навесом. Приходится довольствоваться разбавленным концентратом из старохренской бутылочки, потому что гадкие Полина с Саней не оставили нам заварки (потом выяснилось, что она была у меня). Сворачиваем противный мокрый тент и вручаем его Маше. После этих недолгих сборов берём курс на Слободу.

По пути туда мы ещё кое-чего должны посмотреть, поэтому оставляем рюкзаки у шлагбаума (где заканчивается заповедник) и возвращаемся назад. Дождик, который было поутих, начинается снова. Чтобы не намочить бланк, мы собираем букетик из мокрых растений, бежим под ближайшую ёлочку и там их отмечаем. Поразительно, но бланк выглядит вполне прилично, он не превратился в недоделанное папье-маше, как однажды на моих прошлогодних квадратах.

Наконец, финальный марш-бросок. Мы идём более короткой дорогой, которую нам предложили вместо «автомобильной». В какой-то момент эта дорога превращается в траншею, по которой почти все пробегаем довольно быстро. В конце концов, вылезает на тропинку для туристов, идущую через живописный лес по берегу озера. Только выйдя на неё я долго не мог сообразить, что вижу перед собой. Казалось, что мы стоим на склоне холма, и впереди видно широкое светлое небо. Я принял за него белое водяное зеркало.

Пробегаем Слободу под в третий раз зарядившим дождём (ох уж эти восторженные восклицания о погоде!). В буханке на окраине нас уже ждут друзья и утешение в виде мороженого. Теперь в Ковкеницы.

Коттедж, к сожалению, был уже занят приятной во всех отношениях тётенькой, которая любезно показала нам, где жить и что нельзя трогать. После того, как расположились, стали готовить ужин. Лисички ужарились до издевательски малого объёма, а картошки начистили много. Когда мы спорили о ней, Полина, которая в соседней комнате делала вид, что читает журнал, потребовала (как всегда) побольше. На эту тему мной была разыграна миниатюра, в финале которой кое-кто, положив в рот очередную картофелину, довольно хохочет и взрывается. «Хо-хо-хо! Тыдыщ!!!» -- смеются.

А завтра мы с Саней пойдём перезарядить ловушки на Гагарье. Но это будет уже завтра.

4 июля, день тринадцатый. *Ковкеницы, Гагарье*

За завтраком мы получаем пару советов от Полины о том, как себя хорошо вести. Сегодня с Саней пойдём на Гагарье перезаряжать ловушки на жуков. Но сначала всем вместе нужно дойти до пары мочажинок недалеко от Ковкениц.

И вот, вся честная компания, выстроившись в ряд, марширует по грунтовой дороге от деревни. Сверяются точки на GPS-навигаторах, обсуждаются стратегические подробности нашего автономного похода. После мочажинок от отряда отстыкуется жучиный зонд, а оставшаяся часть – везунчики – отправится к прекрасным орхидеям. Вчера по дороге из Слободы дядя Витя рассказал про замечательный черноольшанник, в котором как всегда «Анатолий Петрович, самое, всё уже нашёл».

А если осторожно, самым краешком глаза глянуть на небо, то можно будет увидеть редкие, быстро бегущие по нему облака. Но обнадёживать себя нельзя. Ещё в первый день на Верхнесегежском Люша рассказывала про всяческие суеверия и языческие ритуалы, спасающие от дождя. Больше всех мне понравилось заклинание «Несуха, несись к себе в курятник!».

Быстро дошли до нужного нам ответвления, забиравшего влево, в редкий сосняк. Двадцать минут по песчаной дороге, и мы уже рядом с квадратом. Вот в этом месте нужно было снять рекламный ролик про сеточное картирование: ясное небо, светлый сосновый бор, люди, весело произносящие причудливые латинские названия... После групповой фотографии на фоне «далее карельских озёр» (в уменьшенном варианте), рядовой Шепель откомандировывается на Гагарье для штрафных работ.

Рекламный ролик про сеточное картирование: Люша, Соня, Маша, автор, Саня, Полина

От озера к озеру сегодня мы буквально перебегаем. Если честно, на коротких (как сегодня) отрезках пути идти в таком темпе мне легче. Вхожу в почти спортивный азарт, ноги мелькают внизу. У меня ведь нет сверхкомфортабельного рюкзака, как у приятеля. Тот держится бодро, но я всё же снисходительно сбрасываю обороты...

Уже после поворота на второстепенную дорогу, немного поплутали, точнее, нам это показалось. Неправильная тропинка привела нас прямо к беседке у мостков через болото, где мы и пообедали. Вокруг снова стоял сосновый лес, но уже, как показалось, суше. Среди ровных бурых мачт изредка виден был куст можжевельника или чахлая ёлочка.

И снова, снова бегом по мосткам, через отрог леса, вдававшийся в болото, к озеру. Оно виднелось в нескольких сотнях метров, в чётком кругу сухих корявых сосен с вывернутыми серыми ветвями. Эта картина напоминала отдалённо языческое капище с деревянными идолами, только на месте холма и статуи Перуна серебрилась вода. Болото поглотило бога грома и заняло его место, подавив и заколдовав оставшихся духов. Поднимался ветер. Может, он собирался вернуть себе власть?

Именно сюда мы притащились со своим «Вискасом». Именно в это время. Какая проза!

Ох, и гадко мне здесь пришлось. Края озерца предательски опускались под воду, стоило на них наступить. К ловушкам было не подобраться. Пришлось снимать болотники и штаны... И лезть в мокрую воду. Чтобы трогать противных жуков. А затем переходить к следующей порции насекомых, пока ветер обдувает ноги. И так несколько раз. Бррр! «Если здесь не окажется этого вашего арлекина, я за себя не отвечаю», звучало в моей голове сквозь перестук зубов.

Обратно мы бежали ещё быстрее, подгоняемые сыростью репутации. Даже на чернику не отвлекались, как на пути к озеру. А между тем черники было много, Марья-ягодница всё-таки.

Но вот всё позади. Вот и беседка. Полежав немного на траве, и поглядев на заходящее солнце, трогаемся в обратный путь. Сосна, затем ель и осина, мостик через ручей, снова сосна, и выходим на главную дорогу. Финишная прямая до ужина...

Орхидное болото

А в Ковкеницах рассказывают про оправдавший ожидания квадрат (Анатолий Петрович там всё уже нашёл, но теперь находки задокументированы по всем правилам), про две с лишним сотни растений в нём. Везёт же! Но и мы времени зря не теряли, потом выяснилось, что (о радость!) вожделенный цибистер был пойман именно в наши ловушки.

5 июля, день четырнадцатый. *Ковкеницы, Лахтинский залив, оз. Карасёво, урочище Гумбарицы*

Столько дел в этот солнечный жёлтый с просинью день, последний день в Ковкеницах. С утра все собирают рюкзаки и оставляют в одной из комнат. Вечером их вместе с Полиной, Люшей и девочками заберёт Катя. А мы с Саней, вероятнее всего, вернёмся в стационар на своих двоих. В качестве подготовки к этой не короткой прогулке я съедаю лишнюю конфету и, воровато оглянувшись по сторонам, быстро выкладываю из рюкзака химзу. Согласно разделу закона подлости, посвященному погодным явлениям, в таком случае обязан пойти дождь. Вдобавок, среди лесных кулебяк не взять в поход химзу – не просто дурная примета, а самый форменный моветон, ибо из-за одного ленивца промокнут все. Но всё же, сегодня последний день и так жарко... Я на

всякий случай прикрыл шкурку хаттифната свитером и потуже затянул ремни рюкзака, будто боялся, что плащ попытается сбежать.

В пробирки с пойманными плавунцами для их дальнейшего опознания кладётся часть какого-нибудь растения. Такая у жучатников традиция. Полина против неё протестует, и как раз перед самым выходом. Пришлось добрых полчаса традицию заменять на этикетки. За это время я чуть все наши конфеты не съел. Но вот, наконец, мы выходим. Бодрым ровным шагом, в ногу, тубетейка заливчатски заломлена набок, позвякивают на рубахе зажимы для ловушек. Настоящие работяги-энтомологи из заповедника. Я начинаю было себе такое что-то деревенское насвистывать, в ритм мыслям. Полностью, так сказать, погружаюсь в атмосферу, и тут Саня вспоминает, что ключи от стационара Лахты в доме забыл. Пришлось обратно возвращаться.

Но в итоге всё обернулось выгодой для нас, мы поймали выезжавшего в Гумбарицы Ковалева. Он должен был вести тракториста Лёху чинить директорский «УАЗ». После того, как тот блеснул нам в приветствие серебряным зубом, потекла неторопливая мировая беседа, и выяснилось, что у замдиректора по науке есть ещё и третья ипостась. За баранкой сидел Алексеич. Он и про машину поспорил, и на «цифровое поколение» посетовал, и корову Лёхину не забыл (а тот этого только и ждал, души он в своём питомце не чаял).

Нас высадили в Лахте, где мы бросили ненужные вещи. Теперь нужно живо смотаться на Карасёво, потому что из-за моей химзы наверху что-то собирается. Ловушки ставятся в темпе вальса, Саня жалуется на «слепней», которых летает тут два с половиной. «Не видели вы, гражданин, настоящих», думаю я, но вслух не говорю ничего из уважения к старшим. Только улыбаюсь.

А когда пришли обратно, стало даже чуть-чуть капать. Всё из-за меня. Но, к счастью, настоящего дождя так и не собралось. После того, как с комфортом отобедали в домике, направили стопы к дому. Идти легко, совсем не жарко, особенно мне, с маленьким рюкзачком. После того, как проходим водный стадион, появляются лисички, которых в конце набралось прилично: целый файл А4 и тубетейка с горкой.

Гумбарская станция, показавшаяся на фоне серого неба, вызвала сильное чувство дежавю. В прошлом году мы тоже вернулись в дождь... А сейчас мы успели в аккурат к полднику, и могло показаться, что заметили нас не все. Я сразу же схватился за пряник и сделал вид, что не при чём, пока одноклассники сыпали вопросами. Но в этот раз, к счастью, мне не сказали, что я стал чем-то средним между Саней и Люшей, всё обошлось. Вскоре приехала Катя с Петром Николаевичем, Полиной, Люшей, Соней, Машей и кучей еды (маленькой собачонки, увы, с ней всё же не было).

И всё снова завертелось по-старому. Перед тем, как остановиться на целый год.

.....

Следующий день я описывать не буду. Хотя бы потому, что мы никуда не пойдём. Поскольку главным персонажем в рассказе является здешняя природа, на которую из-за обилия еды завтра не будет времени, не стоит тратить зря наши время и силы. Тем более, что рассказ о дне отвала – перечисление блюд с лирическими отступлениями о едоках, которое проголодавшегося читателя расстроит, а сытому будет неинтересно. Лучше перенесёмся сразу в утро седьмого июля, последнее утро в заповеднике.

7 июля, день шестнадцатый. Гумбарицы, Ковкеницы (и берег Свири), Лодейное поле

Итак. После вчерашнего отвала (а в отвал отбоя нет, и есть можно всё) встать было не то чтобы трудно или невозможно вовсе, нет. Человек, не привычный к гастрономическому труду мог попросту не проснуться. Не потому, что он, извиняюсь, лопнул накануне, а потому что после такого количества поглощенной пищи организм несчастного мог решить, что его хозяин готовится к апокалипсису и летаргической спячке, лет минимум на двести... В девять утра, когда я полз от палатки к костру, чтобы принять кофе, в лагере стоял такой треск от разлепляемых повсюду глаз, что с сосен валились шишки... И не думайте, что я приукрашиваю!

Когда к костру сползли все, Сергей Менделевич попросил тишины, и после поздравления вручил Полине подарки. А в прошлом году ее день рождения выпал на сам отвал, вот шороху было. После торжественной части перешли к бытовой. Сегодня сворачиваемся и уезжаем в две партии, сперва в Ковкеницы, затем оттуда в Лодейное поле, поезд в одиннадцать с копейками. А пока прощаемся с Катей (она уезжает раньше), пакуем рюкзаки, запасаемся едой.

Квадраты уезжают первой группой, вместе с жуками. От визит-центра и те, и другие разбредутся до поезда кто куда. Саня с Егором пойдут снимать ловушки на Карасёво, Маруся с Женей и Полиной – на Гагарье, Люша-Соня-я – к Свири. После приезда в Ковкеницы немедленно стартуем, сегодня всё нужно делать оперативно.

В лесу всё чуть успокаивается, завязывается, наконец, нормальная человеческая беседа. Все дёрганья до этого не давали мне подумать. А тут тишина, роса, и погода шепчет, благодать! Сегодня описываем по-хоббичьи, что значит не торопясь, обстоятельно, с остановкой на обед во время. Проходим до берега Свири лесной дорогой, затем, через заброшенную деревню и болото, выбираемся на пляж.

Здесь мы какое-то время бродим в поисках водных растений, после чего на солнышке заваливаемся обедать. С собой у нас, ни много ни мало, чили конкарне от Петра Николаевича. Пока мы с Люшей расправляемся со своими порциями, Соня тихо сидит рядышком и испуганно на нас смотрит. Предложенную ей конфету после долгих раздумий хватает, пискнув «спасибо», и больше ни слова. Выглядит очень забавно.

Почти сразу после обеда, здесь же, нашли редкий дремлик – прощальный подарок Свири. Такой спокойной сейчас, а особенно с высоты крутого берега, поросшего сосной и елью. По такому берегу мы прошли чуть позже, собрали земляники напоследок. Отчётливы сейчас в памяти запахи прохладного песка и земляники. Отчётливы и далеки.

Теперь лишь путь назад. Мы возвращаемся в Ковкеницы, откуда нас заберут несколько такси. В следующие пару часов дописывать дневник да спать. И сам отъезд как сон. Заснёшь здесь, а проснёшься уже далеко. И всё здесь станет сном. Одним из тех, в которые хочется вернуться.